

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кафедра английского языка и методики преподавания

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РОМАНЕ
Т. ХАРДИ «ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык (первый, второй)
очной формы обучения, группы 02051203
Пашковой Нели Викторовны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент
Трубаева Е.И.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические аспекты изучения концепта в современной лингвистике	6
1.1. Концепт как основной элемент когнитивной лингвистики.....	6
1.2. Классификация концептов.....	11
1.3. Структура концепта и способы его репрезентации.....	16
1.4. Основные характеристики концепта.....	21
Выводы по ГЛАВЕ I	26
ГЛАВА II. Анализ специфических особенностей концепта «Любовь»	28
2.1. Особенности лексических репрезентаций концепта «Любовь» на материале анализа словарных статей.....	28
2.2. Рассмотрение концепта «Любовь» в книге «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей».....	30
Выводы по ГЛАВЕ II	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	49
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	54
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	55

ВВЕДЕНИЕ

Последние годы характеризуются существенным увеличением интереса к различного рода концептам в современной когнитивной лингвистике. Большое количество исследователей занималось процессом изучения и анализа природы концепта, а результаты проведенных изысканий по данной теме были освещены во многих трудах этих ученых. Свое начало термин «концепт» берет со времен активного изучения данного понятия академиком Д.С. Лихачевым, который, собственно, и ввел данный феномен, анализируемый нами в исследовании, в обиход российской лингвистики. Также анализом и развитием концепта занимались такие ученые, как С.Г. Воркачев, С.А. Аскольдов, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин и другие известные ученые, которые проявляли огромный интерес к изучению данного феномена.

В рамках нашего исследования анализу подвержен концепт «Любовь» в произведении Т. Харди «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей». Концепт, выбранный нами для рассмотрения в данном исследовании, является, по мнению многих ученых, авторов множества художественных произведений, некоторых древнегреческих философов довольно значимым понятием. Т. Харди в данном произведении освещает множество тем для раздумий и анализа, но тема любви занимает особое место. Об этой важнейшей составляющей в жизни каждого человека было многое сказано разными авторами, но Т. Харди, описывая это вечно противоречивое явление, внес в зарубежную литературу что-то новое, то, что затронуло души миллионов людей. Именно данный факт послужил причиной для более детального анализа романа «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» с целью ознакомления с позицией автора, который столь ярко описывал данное явление.

Актуальность настоящего исследования связана, прежде всего, с тем, что, во-первых, понятие «концепт» является широко употребляемым

явлением в различных сферах научного познания, а, значит, данный термин обладает неопределенным количеством толкований, который приобрел, исходя из этого суждения, статус многомерного явления. Во-вторых, одной из наиболее важных проблем, исследуемых русскими и зарубежными учеными, а также проблем, терзающие умы и души миллионов людей, является проблема познания внутреннего мира человека, его эмоционального поля, а именно проблема познания противоречивого чувства любви, которое на протяжении сотен и более лет не оставляет равнодушными практически ни одного человека на Земле в стремлении понять значение этого явления.

В качестве **объекта** нашего исследования выступает концепт «Любовь» в произведении «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей».

Предметом исследования являются особенности репрезентации концепта «Любовь».

Цель данной работы заключается в подробном анализе составляющих концепта «Любовь» в рамках романа Т. Харди.

Для реализации данной цели необходимо решить несколько взаимосвязанных между собой **задач**:

1. Раскрыть понятие «концепт» и рассмотреть его классификации;
2. Изучить структуру и особенности репрезентации концепта;
3. Описать основные характеристики термина «концепт»;
4. Выявить особенности лексических репрезентаций концепта «Любовь»;
5. Исследовать концепт «Любовь» на основе романа Т. Харди «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей».

Теоретическая база данного исследования включает научные труды А.А. Залевской, Д.С. Лихачева, Г.В. Токарева, А. Newel, G. Lakoff, M. Johnson.

Материалом для исследования послужил роман Т. Харди «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей».

Методы исследования: анализ литературы по исследуемой проблеме, классификация, описательный метод, анализ словарных дефиниций, концептуальный анализ.

Теоретико – методологическую основу исследования в когнитивной теории концептуализации и конкретизации составляют работы Н.Н. Болдырева, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, А.В. Рудаковой, М. Johnson и др.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей, списка источников фактического материала.

ГЛАВА I. Теоретические аспекты изучения концепта в современной лингвистике

1.1. Концепт как основной элемент когнитивной лингвистики

Получив широкое распространение в области лингвистики, термин «концепт» является одним из самых важных предметов научных прений, т.к. данное понятие обделено какой-либо единой интерпретацией. Термин «концепт» получил статус понятия многомерного и многогранного, поскольку имеет огромное количество различного рода толкований.

Концепт – это одна из тех категорий, которая является ведущей в когнитивной лингвистике. Говоря о концепте, мы имеем в виду связь языка и мышления человека. Формирование концепта происходит следующим образом: человек осмысливает поступающую к нему информацию в процессе концептуализации – «одного из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающейся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» (Кубрякова, 1994: 36).

В отечественной лингвистике понятие «концепт» впервые начало использоваться в процессе изучения культурологии, но с течением времени претерпело бурное развитие, овладевая новыми оттенками своего начального значения. Термин «концепт» начал активно употребляться в лингвистике в начале 90-х годов. Это явление было вызвано потребностью когнитивной лингвистики соотнесения данных психологии и лингвистики (Лукин, 1993).

Понятие «концепт» является заимствованием из латинского языка “conceptus”, что означает «понятие». Термин «концепт» содержит в себе общую идею явлений данного значения в понимании определенного

временного отрезка и этимологические моменты, которые дают понять, каким образом эта общая идея активизируется среди множества каких-либо явлений. Взаимосвязь данных моментов способствует выявлению смысла понятия «концепт». В.А. Лукин, основываясь на данных латинско-русского словаря, выражает значение латинского слова “conceptus” как нечто сформулированное, вбирающее в себя содержание различного рода форм и являющееся неким началом. Концепты выражают взаимодействие всех основных антропологических факторов: этнического, исторического, психологического, языкового и культурного. Таким образом, каждая из перечисленных научных сфер образует свое собственное мнение о концепте.

Любой философ будет определять универсальные и абстрагирующие моменты и модели в концепте. С точки зрения историков, концепт изучается через призму философских, этнических и языковых знаний и представлений. С точки зрения этнологии, концепты – это ключевые компоненты этнической картины мира, составляющие «адаптивную систему народа» (Лурье, 1988: 261). Значит, исходя из исследований этногенеза, концепты могут рассматриваться как сигналы наследственности, восходящие к традиции и связанные с адаптацией членов этноса к окружающему миру.

В своих философских работах Л. Витгенштейн утверждает, что термин «концепт» является зонтичным, который стоит у истоков когнитивной лингвистики и психологии, занимающиеся проблемами мышления и познания, а также хранения и переработки информации. Однако ментальные объекты понятия «концепт» обделены какой-либо определенной родовой принадлежностью и обладают, скорее, неким сходством в плане мыслей, идей, представлений и т.д. (Витгенштейн, 1994).

И.В. Бурнос полагает, что концепт может быть интерпретирован только словом, а концепты, представленные в качестве некой систематизированной категории, отражают ментальность, выраженную в различных группах и формах родного языка (Бурнос, 2002).

А.А. Залевская считает, что концепт – это «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов)» (Залевская 2001: 86).

По мнению М.А. Холодной, концепт – это познавательная структура психической направленности, особенности которой дают возможность выражения действительности в единстве разнокачественных аспектов (Холодная, 1983).

Понятие «концепт» как некое самостоятельное лингвистическое явление рассматривала А. Вежбицкая. Ученая говорила, что концепт – это «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» (Вежбицкая, 1999: 780). А. Вежбицкая обладала уникальным взглядом на понятия «концепт-максимум» и «концепт-минимум», в дополнение к этому, она доказала, что данные противопоставленные друг другу понятия являются культурно детерминированными. Также А. Вежбицкая полагала, что владея знаниями о понятии «концепт-максимум», можно говорить о полной осведомленности среднего носителя того или иного языка семантикой определенного слова, а, в свою очередь, обладая знаниями о понятии «концепт-минимум», интерпретация значения какого-либо слова приобретает некоторые ограничения (Вежбицкая, 1999).

Р.М. Фрумкина, в свою очередь, полагала, что «интерпретация термина «концепт» стала ориентироваться на смысл, который существует в человеке и для человека, на интер - и интрапсихические процессы, на означивание и коммуникацию» (Фрумкина, 1995: 89).

А.П. Бабушкин дает следующее определение понятию «концепт»: концепт – это «дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранимая в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде», но

концепт, по его мнению, не существует «при отсутствии надлежащей лексической объективации» (Бабушкин, 1996: 75).

Д.С. Лихачев трактует понятие «концепт» следующим образом: «Концепт – есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (Лихачев, 1993: 4).

Е.Ю. Прохоров полагает, что каждый лингвист трактует понятие «концепт» со своей индивидуальной точки зрения: «концептосфера может быть и у языка, и у отдельной лексемы; она может быть связана с отдельным жанром, с отдельным аспектом человеческого бытия и с отдельным наименованием социального статуса; концепт может быть представлен в языковом сознании и в языковой картине мира, в художественной картине мира и в отдельном литературном жанре; концептом может быть и понятие, и некая каузальность, и некая эмоция, и так далее» (Прохоров, 2009: 176).

В.Н. Телия трактует понятие «концепт» как «знание, структурированное во фрейм» (Телия, 1996: 234). Это значит, что он отражает не только значимый признак рассматриваемого объекта, но и совокупность всех признаков, которые содержат знание о сущности.

А.В. Рудакова считает, что концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания» (Рудакова, 2002: 21).

С точки зрения Ю.Д. Апресяна, концепты – это «своего рода лингвокультурные изоглоссы и пучки изоглосс» (Апресян, 1995: 98-100).

Во многих лингвистических трудах понятие «концепт» характеризуется как некий объединяющий элемент, который дает возможность интерпретировать различные явления, содержащиеся в том или ином языке, через объединение лингвистики с другими гуманитарными, и, возможно, естественными науками.

Н.Д. Арутюнова утверждает, что многие факторы обыденной философии влияют на становление концепта как лингвистического понятия, например: система традиций, ценностей, религия, искусство, и при всем этом

концепты создают «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» (Арутюнова, 1993: 85).

Более обобщающее понятие «концепт» принадлежит Н.Н. Болдыреву: «концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде единиц, «квантов» знания» (Болдырев, 2001: 28).

Некоторые ученые полагают, что «концепт не может быть полностью реконструирован через свое языковое выражение» (Кругликова 2001: 9), поскольку термин «концепт» – особый ракурс изучения абстрактных наименований, объединяющий множество видов знаний и представлений, собранных народом и проявляющихся в сочетаемости имен.

В культурологическом и лингвокультурологическом подходах к концепту одним из основных понятий является понятие «духовной ценности: устоявшиеся понятия о добре и зле, о назначении человека в мире, о справедливости, о прекрасном и безобразном. Проблема ценностей всегда появлялась во времена утраты культурной традиции своей ценности. В свое время Сократ поставил вопрос о предназначении блага. Таким образом, обращение к культурным концептам и поиски «ценностных доминант» (Карасик, 1996: 10), «терминов духовной культуры» (Степанов, Проскурин, 1993: 33) и «экзистенциальных смыслов» (Перелыгина, 1998: 12) являются следованием апостольскому призыву «ревновать о дарах духовных».

Особую роль в когнитивной науке играют процессы концептуализации и категоризации. Этим понятиям свойственна классификационная деятельность, но их различие состоит в том, что каждое из этих понятий обладает индивидуальными целью и результатом. «Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации – на

объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» (Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 93).

Для того, чтобы более детально рассмотреть понятие «концептуализация», обратимся к определению, которое дает Н.Н. Болдырев: «Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов). Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению» (Болдырев, 2001: 22).

Обобщая все вышеупомянутые определения исследуемого нами понятия, можно сделать вывод, что концепт – это не что иное, как основной элемент концептосферы, содержательный элемент мышления, репрезентирующий результат познания человеком среды его бытия.

1.2. Классификация концептов

Определяя концепты как некие ментальные образы коллективного сознания, А.П. Бабушкин утверждает, что любой концептуальный элемент обладает определенным положением в национально-обусловленной концептосфере языка. По его мнению, концепты – это не что иное, как явления многомерные, соответственно, та действительность, которую они выражают теми или иными способами, является многоплановой по своей сущности. Существуют различные критерии для классификации концептов: по способу репрезентации в языке, по виду мыслительного обобщения и по своему содержанию и степени абстракции передаваемой информации (Бабушкин, 1996).

Согласно первому критерию (классификация концептов по способу их репрезентации в языке), концепты делятся на лексические и фразеологические, а также «концепты, репрезентированные клишированными выражениями (поговорами, пословицами, афоризмами), текстовые концепты (вербализованные текстами любой длины)» (Попова, Стернин, 2002: 170).

В своей монографии «Спорные проблемы семантики» Н.Ф. Алефиренко, опираясь на второй из приведенных выше критериев, настаивает на различии познавательных и художественных концептов с той целью, чтобы не столкнуться с огромным количеством членений различного рода мыслительных обобщений (Алефиренко, 1999).

Художественный концепт, в свою очередь, подразумевает мыслительное образование, которое практически не имеет ничего общего с реальной действительностью и какими-либо законами логики. Художественная ценность концептов делает их в значительной мере информативнее познавательных, т.к. помимо понятия в сознании появляются дополнительные ассоциации.

Познавательный же концепт – это мыслительное образование, которое замещает в сознании огромное количество однородных предметов. В таких случаях концепт выступает в роли заместителя реальных предметов, действий, признаков или свойств познания. «Концепт-заместитель» может быть как конкретным, так и схематичным, отвлеченным и потенциальным, а сама замещаемая множественная предметность в сознании может быть реальной или идеальной и воображаемой.

Опираясь на содержание третьего критерия, многие исследователи делают акцент на следующих типах концептов:

1. Конкретно-чувственный образ – это образ того или иного конкретного предмета или явления, закрепленный в сознании носителя языка (конкретное здание, конкретный договор, конкретные часы и т.д.).

2. Представление – это обобщенно-чувственный образ дифференцированных предметов и явлений, интерпретированный А.П. Бабушкиным как мыслительная картинка. Данный тип определяет совокупность наиболее внешних отличительных черт предмета или явления.

3. Схема – это подсознательный образец того или иного предмета или явления, который обладает пространственно-контурным образом.

4. Понятие – это концепт, который обладает наиболее общими признаками предмета или явления и логически создаваемыми характеристиками.

5. Прототип – это категориальный концепт, который предоставляет сведения о типичных членах той или иной категории. А. Ньюэлл полагает, что «прототип является свидетельством того, лучшим или худшим примером концепта выступает данный предмет» (Newel, 1990: 435).

6. Дж. Лакофф представляет классификацию подобных категорий на стереотипы, идеалы и образцы. Исходя из исследований этого ученого, можно сказать, что стереотипы – это обычные классические примеры. Употребление многих из их общего количества носит автоматический характер (фортепиано и скрипка – это типичные музыкальные инструменты), но существуют и другие примеры, которые могут являться спорными, и по истечению неопределенного промежутка времени приобретают некоторые изменения (типичного студента можно узнать по очкам и усталому внешнему виду). В рекламе зачастую делают акцент на использовании стереотипов. Идеалы характеризуются абстрактными идеальными образцами, с помощью которых многие категории приникают в подсознание человека (идеальный учитель всегда находит общий язык и правильный подход к учащимся, никогда не ставит двойки). «Образцы могут быть представлены как категория, основанная на знании языкового коллектива ее отдельных членов, которые являются либо идеалами, либо их противоположностью. Представления об образцах выражаются в языке конструкциями,

включающими слова «типичный...», «еще один...» и т.д. (Lakoff, Johnson, 1980:164).

7. Пропозициональная структура это – «наиболее распространенный способ концептуализации знания. Она представляет собой модель определенной области человеческого опыта, в которой вычленяются элементы, даются их характеристики, указываются связи между ними. Концепт этого вида имеет объективный, логический характер, поскольку передает те или иные сущности с их свойствами и реально существующими отношениями» (Болдырев, 2001: 30).

8. Сценарий – это фрейм, представленный в качестве разворачиваемого во времени алгоритма каких-либо событий. Такие ученые, как Р. Шенк, Л. Бирнбаум, Дж. Мей характеризуют скрипт как «заранее заготовленную причинную цепочку, представляющую обычную последовательность событий» (Шенк, Бирнбаум, Мей, 1989: 38).

9. Гештальт – это «концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия, высший уровень абстракции: недискретное, неструктурированное знание» (Болдырев, 2001: 32). Также гештальт можно интерпретировать как начальный уровень познавательного процесса. Данное свойство было отмечено Дж. Лакоффом, который говорил о гештальтах как о неких эмоциях, мыслях, познавательных процессах, образованные на основе одних и тех же конструкций (Lakoff, 1980).

10. Фрейм – это концепт, содержащий в себе некоторое количество различных компонентов, который представляет собой определенное количество информации, «один из способов представления стереотипной ситуации» (Минский, 1988: 289). Понятие «фрейм» может интерпретироваться в качестве когнитивной основы, которая является общей для значительной части когнитивных моделей, представленные выше, при условии зашифровки в них представления о каких-либо явлениях

окружающей реальности, которые закладываются в понятие «ситуация», например, ситуации дня рождения, о которой говорил М. Минский, или ситуация какого-либо «происшествия» (цит. по Плешакова, 1998: 22) и т.д.

Необходимо добавить, что понятие «фрейм» во многих гуманитарных науках играет огромную роль. В лингвистических истоках фреймовой теории можно упомянуть падежную грамматику Ч. Филлмора, теорию семантического поля И. Трира, теории лексического толкования, которые были разработаны в модели «Смысл-Текст» Ю.Д. Апресяном и И.А. Мельчуком.

Впервые о фрейме было упомянуто в первой половине 70-х гг. М. Минским. Его фреймовая идея была направлена на модернизацию модели репрезентации знаний, которая использовалась в теории искусственного интеллекта. Исследователь был склонен утверждать, что то или иное количество информации, которое имело место в данной теории, должно носить общий и структурированный характер. Для фрейма характерна двухуровневая структура узлов и отношений: вершинные узлы, обладающие данными, которые всегда оправданы и аргументированы для определенной ситуации, и терминальные узлы, которые наполняются данными какой-либо конкретной ситуации и представляют собой субфреймы. Субфреймы предназначены для поиска компонентов какой-либо ситуации, которые неподвластны мгновенному распознаванию, т.к. являются необычными, редкими или неким образом зашифрованными и т.д. М. Минский считал, что каждый фрейм наделен набором определенных характеристик, которые, в свою очередь, могут привести к активации фрейма в целом.

По мнению Ч. Д. Филлмора, «теория фреймов оказалась полезным инструментом лексической семантики, грамматической семантики и семантики текста» (Филлмор, 1988: 53). Фреймовая теория объединения слов в единую группу имеет отличие первостепенной важности от других средств группировки слов. Ученый говорил, что языковые фреймы – это группы каких-либо языковых единиц, «каждую из которых лучше изучать как единое

целое, потому что каждая группа является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания» (Филлмор, 1988: 53-54).

Фреймы никогда не рассматриваются в качестве каких-либо отдельных фрагментов знаний, они являются элементами, принадлежащими к какому-то концепту. Данные элементы, в отличие от обычного ряда ассоциаций, содержат в себе потенциальную информацию, которая имеет ассоциативные связи с определенным концептом. Т.А. Дейк говорил, что «фреймы имеют более или менее конвенциональную природу, т.е. и определяют и описывают то, что в данном обществе является «характерным» или «типичным» (Дейк, 1989: 288).

В.В. Красных утверждает, что все сведения о мире и его фрагментах структурированы в сознании человека в виде некой базы данных, которая наполнена фреймами, связанными между собой. Таким образом, «фрейм-структура есть когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» (Красных, 1998: 117).

Таким образом, одним из самых удобных методов изучения концепта, который является культурно-значимым феноменом, признан фреймовый подход. Данная классификация позволила нам более детально изучить понятие «концепт», которое является довольно многомерным явлением, включающее в себя различного рода категории и критерии, которые, в свою очередь, наделены многоплановостью и разнородностью.

1.3. Структура концепта и способы его репрезентации

Концепт всегда является частью некоего целого, а эта часть несет на себе отпечаток системы в целом. Э.Г. Юдин отмечает, что «при исследовании

объекта, являющегося элементом системы, этот элемент описывается не «как таковой», а с учетом его «места» в целом» (Юдин, 1977: 141).

Для того, чтобы в том или ином виде представить концепт, многие ученые прибегают к метафорическому способу описания концепта. Л.С. Выготский и Г.В. Токарев кодируют концепт в образе облака, а З.Д. Попова и А.И. Стернин, в свою очередь, представляют концепт в виде плода, в котором «базовый чувственный образ будет выглядеть как косточка плода, а дополнительные признаки образуют мякоть плода» (Попова, Стернин 2002: 61).

Н.А. Красавский обращает наше внимание на то, что многие лингвисты и культурологи утверждали, что понятие «концепт» обладает определенной структурой, но проблема о строевых элементах концепта изучается учеными-лингвистами по сей день.

А.И. Стернин и З.Д. Попова описывают концепт с помощью полевой структуры, используя термины «ядро» и «периферия». В качестве ядра выступают наиболее экспрессивные и чувственно-наглядные представления, а наиболее абстрактные черты представляют периферию концепта. Лингвисты делают акцент на том, что «периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» (Попова, Стернин, 2002: 60).

Ю.С. Степанов подчеркивал, что «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» (Степанов, 1997: 44-45). Таким образом, он выделяет в структуре концепта 3 основных слоя:

1. Актуальный слой. В данном случае концепт является средством кодирования информации для людей, использующих данный язык. Именно актуальный слой относит концепт к структурам общения и мыслительным категоризациям.

2. Дополнительный слой. В своем словаре русской культуры Ю.С. Степанов рассматривает «пассивные» компоненты содержания концепта в этом слое. При чем эти «пассивные» компоненты имеют то или иное значение только для отдельны групп носителя языка (Степанов, 1997).

3. Этимологический слой. Для среднего носителя языка данный слой существует не в полной мере. «Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значения» (Степанов, 1997: 45). Данная часть концепта, по мнению Ю.С. Степанова, является самой многомерной, и для ее реконструирования ученый выделяет следующие слои концепта, которые необходимо изучить: ментальная схема, исторический слой и мотивированность именованя концепта.

1. Исторический слой концепта несет в себе информацию о внеязыковых факторах: о духовных, социальных, бытовых стимулах формирования концепта. Данные сведения отражают национально-культурные условия возникновения, развития и преобразования концепта в культурной непрерывности.

2. Ментальная схема представляет коллективное представление об артефакте, который формирует концепт.

3. Семантический анализ является очень важной, неотъемлемой ступенью в процессе выявления мотивированности определенного концепта того или иного слова, фразы и т.д., т.е. необходимым моментом является обращение к различным толковым словарям, энциклопедиям и другим источникам, содержащие различные этимологические сведения определенной языковой единицы, на основе которых осуществляется репрезентация некого концепта; также для его репрезентации полезными материалами могут служить различные примеры из художественных текстов, которые зачастую дают более точные и оригинальные сведения о различного рода концептах. А также немаловажным моментом является анализ синонимической категории концепта той или иной языковой единицы, т.к. это может способствовать выявлению различного рода свойств и

отличительных черт данного концепта в сравнении с другими семантически родственными словами.

Г.В. Токарев выделяет такие слои в структуре концепта, как «универсальный, национальный, групповой и/или личностный» (Токарев, 2001: 17). К универсальному слою концепта относятся кванты знаний, являющиеся всеобщими для каждого человека. В качестве составляющих национального слоя концепта можно выделить нации или народности. В групповой или личностный слой концепта входит результат умственной деятельности какой-либо группы или отдельного субъекта.

Данная классификация по Г.В. Токареву является абсолютно оправданной по определенным причинам, которые Е.С. Максименко продемонстрировала следующим образом: «Интенсивные культурные связи и контакты, возникающие в процессе экономического, политического и научного сотрудничества нескольких стран, приводят к «некоей унификации окружающей действительности» и, как следствие, к почти одновременному появлению в нескольких культурах «интернационального» понятия, на базе которого формируются концепты со «следами» определенной культуры» (Максименко, 2004: 27-30). «Интернационализмами для какого-либо языка могут быть лексические и фразеологические единицы этого же языка, если культура, обслуживаемая этим языком, создала такие ментальные конструкты и институты, которые перенимаются другими культурами» (Максименко, 2004: 32-36).

В национальном слое, как уже было упомянуто выше, заложены знания, которые выступают в качестве результата умственной деятельности нации или народности. Г.В. Токарев в своем сборнике научных трудов писал, что «национальный слой также структурирован: первый его компонент – объективный – включает в свой состав ощущения, восприятия, представления; второй – аксиологический (рациональный) – отражает аксиологическую систему и обусловленные ей культурные установки; третий компонент – модусный, результат соотнесения объективного компонента с

рациональным – включает оценку, эмотивность, ассоциации» (Токарев, 2001: 17). Так, национальный слой, будучи обособленной долей, дает нам возможность рассмотреть, с точки зрения культурологии, признаки тех или иных слов, выражений, которые характеризуют разные слои концепта.

Что касается группового слоя концепта, то А.А. Леонтьев полагал, что смысл в значительной степени связан с профессиональной, социальной и групповой принадлежностью определенного человека (Леонтьев, 1970). Компоненты содержания концепта, которые раскрываются в момент общения людей в рамках того или иного профессионального класса между собой, а не внутри контакта с другими группами.

Говоря о профессиональном слое концепта, необходимым условием выступает выявление национально-культурной особенности концепта, анализирующая единицы профессионального подъязыка, служащий средством коммуникации для представителей какой-либо профессиональной отрасли. Профессиональный подъязык, который представляет направленность какой-либо деятельности, свойственной для одной и более стран, несет в себе национально маркированные элементы, которые могут относиться к единицам, содержащие различные эквиваленты, и, в то же время, не отличающиеся наличием тех или иных эквивалентов. Такие единицы обычно делятся на те, в которых культурно-значимая информация содержится в денотативном аспекте значения, и те, в которых культурно-значимая информация направлена на коннотативный аспект значения.

Данный подход соответствует принципам когнитологии, которые обычно используются для описания значения слова или фразеологизма, т.е. денотативный аспект значения исследуется в качестве типового образа какой-либо категории предметов или явлений в сознании носителей того или иного языка. Учитывая сведения данного подхода, коннотативный аспект значения выступает в качестве интерпретации денотативного аспекта разнообразными ассоциативно-фоновыми, эмпирическими, культурно-историческими и мировоззренческими сведениями.

Национальная специфика семантики лексической и фразеологической единицы продолжают существовать за счет национально-культурных семантических долей, т.е. тех признаков, которые развиваются и формируются в границах той или иной этнокультурной и национально-языковой среды.

Классификация слоев концепта на универсальный, национальный и групповой является основой комплексного подхода к изучению национально-культурной направленности концептов, которые зарождаются и развиваются в профессиональной общности, из профессиональной концептосферы трансформируются в общенациональную концептосферу, а также, имея огромную значимость во всеобщем культурном континуме, присущи, в то же время, нескольким культурам.

1.4. Основные характеристики концепта

В период своего развития когнитивная лингвистика приравнивала термин «концепт» к термину «понятие», а также данным вопросом занимались и философы. Ю.С. Степанов в лингвистическом энциклопедическом словаре писал, что «понятие «концепт» – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей...» (Степанов, 1998: 385). Спустя некоторое время Ю.С. Степанов утверждает, что термины «концепт» и «понятие» необходимо разграничивать, потому что термин «концепт» используется в математической логике, лингвистике и культурологии, в то время как термин «понятие» используется в философии и логике. В качестве основного принципа концепта ученый выделяет, что «концепты не только мыслятся, они переживаются» (Степанов, 2001: 590).

Границу между этими двумя понятиями проводил и В.З. Демьянков. Он разграничивает эти понятия так: понятия – это то, о чем можно договориться, обычно люди создают эти понятия с той целью, чтобы общаться на ту или иную тему и обсуждать какие-то вопросы с помощью устоявшихся слов, фраз, которые способствуют взаимному пониманию людей, а концепт, в свою очередь, является самостоятельным явлением (Демьянков, 2001).

Необходимо отметить, что концепт более объемная категория чем понятие. Хотя по своему словарному значению «концепт» и «понятие» являются близкими словами. Некоторые английские словари гласят, что концепт – это идея, которая заложена в основу целого класса вещей, некое общепринятое мнение или точка зрения. Словарь Longman Dictionary of Contemporary English дает нам информацию о том, что «концепт» определяется как «чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано» (Longman Dictionary of Contemporary English, 1995: 54). Возникает указание на какой-то мыслящий субъект, обладающий той или иной идеей или точкой зрения. Учитывая всю абстрактность и обобщенность этого лица, вместе с ним в понятие «концепт» входит потенциальная субъективность.

Концепт обладает свойством обогащать слова многозначительностью, т.е. у того или иного субъекта есть возможность домыслить, дофантазировать, создать эмоциональную ауру слова.

Одно из самых существенных различий слова и концепта кроется в их внутреннем содержании. Внутреннее содержание слова – это его семантика наряду с коннотации, т.е. совокупность сем, лексико-семантических вариантов и экспрессивной окрашенности и т.п., а что касается внутреннего содержания концепта, то это совокупность смыслов, структура которых значительно отличается от организации сем и лексико-семантических вариантов слова.

Следует отметить и другое немаловажное отличие концепта от слова, которое заключается в антиномичности. Под антиномией принято понимать

взаимосвязь двух противоречащих друг другу суждений об одном и том же объекте, каждое из которых относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково логическое обоснование.

Роль субъектного начала в развитии концептов довольно велика, что является нехарактерным критерием для слова. Субъектный фактор в концепте является одной из отправных точек изменения концепта и сообщает концепту еще одну отличительную черту: концепт является более динамичным, стремительно меняющимся феноменом сравнительно со словом.

В настоящее время когнитивный статус концепта обладает функцией носителя и способа передачи смысла, а также имеет возможность «хранить знания о мире, помогая обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные, выработанные обществом, категории и классы» (Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 32). Данное свойство сближает концепт со знаком, образом, архетипом, гештальтом. Все перечисленные категории абсолютно различны, однако концепту свойственно вмещать в себя данные категории и, в то же время, концепт способен одновременно реализовываться в них. Главными особенностями концепта являются многомерность и дискретная целостность смысла, которая существует в постоянном культурно-историческом пространстве и, таким образом, предрасполагает к культурной трансляции из одной предметной области в другую. Следовательно, концепт – это средство преодоления дискретного характера представлений о действительности и онтологизированный комплекс этих представлений.

Таким образом, многочисленные исследования и анализы ученых дают возможность сделать вывод, что концепту присущи определенные базовые характеристики: концепт недискурсивен в смысле дискурса. Дискурс – это понятие, обозначающее тип западноевропейской интеллектуальной стратегии рационально-классического ряда. Таким образом, дискурсивный приравнивается к таким понятиям, как рассудочный, понятийный,

логический, опосредованный, формализованный и отличается от понятия «дискурс», т.е. понятия, которое обозначает определенный лингвистический феномен; концепт недискурсивен, т.к. не является линейным, т.е. отношения концептов – это не отношения текстуальные (последовательностные), а гипертекстуальные, которые основаны не на временном развертывании, а на принципах переключки, отсылки; концепты по своей сути являются иерархичными категориями, их системные отношения образуют «образ мира», «картину мира». Возможно, одними из самых удачных терминов являются термины «лингвориторическая картина мира» и «языковой образ мира» т.к. известно, что «систему и структуру лингвориторической картины мира образуют культурные концепты» (Ворожбитова, 2000: 30); бесконечность концепта предопределена его бытием как явлением культуры: он постоянно существует, совершая движение от центра к периферии и наоборот, его содержательное наполнение также не имеет границ; событийность концепта определена его функцией в человеческом сознании, его участием в мыслительном процессе; для того чтобы концепт приобрел статус эвристической категории, необходимо разделять системный, языковой концепт и его речевые и контекстуальные воплощения; концепт и речевые, контекстуальные воплощения находятся в отношениях, аналогичных отношениям фонемы и звука, морфемы и морфа. Языковой концепт абстрактен, нематериален, в то время как речевые, контекстуальные воплощения материальны и конкретны. Через речевые, контекстуальные воплощения осуществляется бытие концепта; концепт можно рассматривать как совокупность его внешней и внутренней смысловой структуры, логически организованной. В основе концепта лежит исходная модель основного значения слова. Исходя из этого, можно говорить о центральной и периферийной зонах концепта. Тем более, что периферийная зона способна к дивергенции, т.е. имеет возможность вызывать удаление новых производных значений от центрального.

Все вышеперечисленные характеристики свидетельствуют о том, что многие ученые и исследователи были правы, когда обозначили понятие «концепт» многомерным и всеобъемлющим явлением, т.к. оно обладает достаточным количеством различного рода свойств, признаков и отличительных черт, которые, в свою очередь, могут сыграть важную роль в исследовании различных концептов.

Выводы по ГЛАВЕ I

В результате рассмотрения теоретических основ понятия «концепт» в современной когнитивной лингвистике нами был сделан ряд выводов.

1. Термин «концепт», будучи феноменом, которое изучалось и анализировалось на протяжении продолжительного количества времени многими учеными различных областей знания, не сводится к какому-либо единому устоявшемуся определению. Нами был сделан вывод, что данный факт приобретает положительный характер, т.к. это свидетельствует о том, что современная наука не стоит на месте, напротив, имеет огромную динамику в своем развитии.

2. Ряд исследователей пришли к выводу, что концепты – это явления не однородные, соответственно, подвержены определенным классификациям. В нашем исследовании мы подробно рассмотрели классификацию А.П. Бабушкина. Ученый предложил следующие критерии для классификации концептов: по способу репрезентации в языке, по виду мыслительного обобщения и по своему содержанию и степени абстракции передаваемой информации.

3. Проблема структурирования концептов была, есть и будет актуальной во все времена существования науки, предмет которой рассматривается в нашем исследовании. Данный факт может быть подтвержден словами Ю.С. Степанова о том, что в разных своих слоях концепты выражаются и существуют для представителей определенной культуры тоже по-разному. Следовательно, эти слои определенным образом должны быть структурированы.

4. Соотношением концепта и понятия занималось огромное количество ученых, имевшие свой собственный взгляд на данную проблему, и многие из них пришли к выводу, что концепт – явление более всеобъемлющее, чем

понятие, однако, не смотря на данное заключение, эти понятия когнитивной лингвистики довольно близки по своему словарному значению.

5. Некоторые лингвисты полагали, что концепту свойственно наделять слова многозначностью, что дает возможность тому или иному субъекту «пускать в ход свое воображение».

ГЛАВА II. Анализ специфических особенностей концепта «Любовь»

2.1. Особенности лексических репрезентаций концепта «Любовь» на материале анализа словарных статей

На протяжении всего произведения автор демонстрирует читателю, что одним из ключевых понятий данного романа является любовь. Значение явления, исследуемое нами, во все времена было многомерным, и до сих пор данное понятие не приобрело какого-то единого определения. Именно данный факт побудил наш интерес к исследованию понятия «любовь», а Томас Харди, по нашему мнению, как никто другой описывал данное явление столь ярко и эмоционально.

Но для того, чтобы в полной мере окунуться в произведение, в котором описывается понятие «любовь», в первую очередь, мы посчитали необходимым детально рассмотреть этимологию слова «любовь».

Этимологический словарь иностранных слов дает следующее повествование происхождения слова “love”: “Old English *lufu* “feeling of love; romantic sexual attraction; affection; friendliness; the love of God; Love as an abstraction or personification,” from Proto-Germanic **lubo* (source also of Old High German *liubi* “joy,” German *Liebe* “love;” Old Norse, Old Frisian, Dutch *lof*; German *Lob* “praise;” Old Saxon *liof*, Old Frisian *liaf*, Dutch *lief*, Old High German *liob*, German *lieb*, Gothic *liufs* “dear, beloved”). The Germanic words are from PIE root *leubh* “to care, desire, love.” (Online etymology dictionary). Вебстерский словарь определяет лексему «любовь» следующим образом: “A feeling of strong attachment induced by that which delights or commands admiration; preeminent kindness or devotion to another; affection; tenderness; as, the love of brothers and sisters”, “Due gratitude and reverence to God” (Webster’s English dictionary).

Словарь Random House Webster's Unabridged English Dictionary приводит следующие дефиниции лексемы «Любовь»:

“1) a profoundly tender, passionate affection for another person.

2) a feeling of warm personal attachment or deep affection, as for a parent, child, or friend.

3) sexual passion or desire.

4) a person toward whom love is felt; beloved person; sweetheart.

5) (used in direct address as a term of endearment, affection, or the like):

Would you like to see a movie, love?

6) a love affair; an intensely amorous incident; amour.

7) sexual intercourse; copulation.

8) affectionate concern for the well-being of others: the love of one's neighbor.

9) strong predilection, enthusiasm, or liking for anything: her love of books.

10) the object or thing so liked: The theater was her great love.

11) the benevolent affection of God for His creatures, or the reverent affection due from them to God.” (Random House Webster's Unabridged English Dictionary).

Иллюстрированный энциклопедический словарь трактует понятие «любовь» следующим образом: «Любовь есть чувствование, чрезвычайно разнообразное по содержанию и силе. Любовь как высшая духовная эмоция, выражается в чувствах благоговения и восторга при умственном созерцании образа, олицетворяющего высшее совершенство и красоту. Философия с древнейших времен пыталась найти синтез всех видов любви, свести их к одному началу. Часто первоисточник мировой любви усматривался в половом влечении. У Платона любовь есть демоническое стремление конечного существа к совершенной полноте бытия и к творчеству красоты. В христианстве союз Бога с людьми, Христа с Церковью мыслится как единение в любви. Спиноза отождествлял абсолютное познание с любовью; познавать Бога – значит любить его. Шопенгауэр видел в любви стремление

жизненной воли к воспроизведению совершеннейших представителей рода» (Брокгауз, 2007: 378).

Т.Ф. Ефремова в своем толково-словообразовательном словаре определяла понятие «любовь» следующим образом: «Любовь – чувство глубокой привязанности, преданности кому-л., чему-л., основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу или спасению, сохранению кого-л., чего-л. Любовь – чувство, основанное на взаимной симпатии и половом влечении. Это отношение двух лиц, взаимно связанных таким чувством» (Ефремова, 2000: 811).

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает следующее определение исследуемому нами понятию: «Любовь – глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Любовь – чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности, постоянная сильная склонность, увлеченность чем-н.» (Ожегов, 1999: 336).

Согласно тезаурусу Роже, лексема love характеризуется так: «1. a profoundly tender, passionate affection for another person; 2. a feeling of warm personal attachment or deep affection, as for a parent, child, or friend; 3. sexual passion or desire; 4. a person toward whom love is felt; beloved person; sweetheart» (Roget's Super Thesaurus, 2003: 365). А также данный словарь освещает синонимический ряд анализируемой нами лексемы: «affection, appreciation, devotion, emotion, fondness, friendship, infatuation, passion, respect, taste, tenderness, yearning, adulation, allegiance, amity, amorousness, attachment, cherishing, delight, devotedness, enchantment, enjoyment, fidelity, hankering, idolatry, inclination, involvement, partiality, rapture, regard, sentiment, weakness» (Roget's Super Thesaurus, 2003: 365).

2.2. Рассмотрение концепта «Любовь» в книге «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей»

Материалом исследования стал роман Т. Харди «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей». Данное произведение является одним из самых значительных в творчестве Т. Харди, в котором тема любви занимает центральное место. Убедиться в этом нам позволили многочисленные строки из произведения:

“Ah – that’s different – it is for your good, indeed, my dearest! O, believe me, it is only for your sake! I don’t like to give myself the great happiness o’ promising to be yours in that way – because – because I am SURE I ought not to do it.” (Hardy, 2016: 194).

Концепт «Любовь» в отказе Тэсс на предложение Энджела стать его женой репрезентируется при помощи ее боязни ранить душу ее возлюбленного, который безумно хотел навсегда связать свою судьбу только с ней. Всей душой и сердцем она мечтала принять его предложение, но страх того, что ее прошлое могло перечеркнуть настоящее, в котором она была счастлива, не позволял допустить этой потери.

Автор данного произведения очень тонко и изящно описывает чувства персонажей. Чувства главной героини к ее возлюбленному Т. Харди сравнивает с чем-то неземным:

“There was hardly a touch of earth in her love for Clare. To her sublime trustfulness he was all that a guide, philosopher, and friend should know. She thought every line in the contour of his person the perfection of masculine beauty, his soul the soul of a saint, his intellect that of a seer. The wisdom of her love for him, as love, sustained her dignity; she seemed to be wearing a crown.... He would sometimes catch her large, worshipful eyes, that had no bottom to them looking at him from their depth, as if she saw something immortal before her.” (Hardy, 2016: 214).

“...so great was the emotion aroused in her at the thought of going through the world with him as his own familiar friend. Her feelings almost filled her ears like a babble of waves, and surged up to her eyes.” (Hardy, 2016: 216).

Мысль Тэсс о том, что она станет женой человека, которого любит всей душой, всем сердцем, сделала ее самой счастливой девушкой на свете. Это счастье настолько переполняло Тэсс, что ей порой казалось, что это все во сне; оно было так велико, что на какое-то мгновение девушка забыла обо всех ее былых сомнениях и опасениях, относящиеся к приближающемуся радостному событию.

Любовь Тэсс к Энджелу была неким амулетом, который защищал и оберегал ее от зла, которое, как казалось Тэсс, ходит за ней по пятам. Благодаря этому чувству Тэсс ощутила все прелести жизни, которые должна испытывать молодая влюбленная девушка. Эту мысль автор представляет в романе следующим образом:

“Her affection for him was now the breath and life of Tess’s being; it enveloped her as a photosphere, irradiated her into forgetfulness of her past sorrows, keeping back the gloomy spectres that would persist in their attempts to touch her – doubt, fear, moodiness, care,...” (Hardy, 2016: 217).

“Clare had just returned from the stable-yard, and, confronting the man on the threshold, heard the words, and saw the shrinking of of Tess. The insult to her stung him to the quick, and before he had considered anything at all he struck the man on the chin with the full force of his first, sending him staggering backwards into the passage.” (Hardy, 2016: 230-231).

Энджел, заметив, что Тэсс была взволнована словами какого-то незнакомца, кинулся защищать свою возлюбленную не разобравшись в сути дела. Изменения ее настроения было достаточно для его переживаний за Тэсс.

“Looking at her silently for a long time; “She is a dear dear Tess,... Do I realize solemnly enough how utterly and irretrievably this little womanly thing is the creature of my good or bad faith and fortune? I think not. I think I could not, unless I were a woman myself. What am I in wordly estate, she is. What I become, she must become. What I cannot be, she cannot be. And shall I ever neglect her, or

hurt her, or ever forget to consider her? God forbid such a crime!” (Hardy, 2016: 241).

Мысль Энджела о том, что он несет ответственность за эту «маленькую женщину», заставила его серьезно задуматься об этом. Репрезентантом любви в данном примере выступает боязнь Энджела за то, что когда-нибудь он сможет нанести вред Тэсс, которая целиком и полностью является зависимой от него.

“...But I must, now I see you sitting there so solemnly. I wonder if you will forgive me?”

“O yes! I am sure, that –” (Hardy, 2016: 248-249).

Данный пример демонстрирует нам проявление любви Тэсс в том, что какие бы действия не были совершены Энджелом в его прошлом, она простит его не задумываясь, ведь любовь и подразумевает умение прощать друг друга.

“Don’t - don’t! It kills me quite, that” she shrieked. “O have mercy upon me – have mercy!”

“Angel, Angel! What do you mean by that laugh?” she cried out. “Do you know what this is to me?”

“I have been hoping, praying, to make you happy! I have thought what joy it will be to do it, what an unworthy wife I shall be if do not! That’s what I have felt, Angel!”

“I thought, Angel, that you loved me – me, my very self! If it is I you do love, O how can it be that you look and speak so? It frightens me! Having begun to love you, I love you for ever – in all changes, in all disgraces, because you are yourself. I ask no more. Then how can you, O my own husband, stop loving me?” (Hardy, 2016: 252-253).

Данный монолог Тэсс дает нам понять, что концепт «Любовь» в рамках этого примера репрезентируется через мольбу главной героини, обращенной к ее возлюбленному. Пытаясь убедить Энджела в том, что ее поступок не более грешен его же поступка, автор наполняет речь Тэсс различными

повторами, перечислениями, восклицаниями, которые придают ей эмоциональность и выразительность, заставляя читателя поверить в искренность слов Тэсс.

“I don’t see how I can help being the cause of much misery to you all your life. The river is down there. I can put an end to myself in it. I am not afraid.”

“I will leave something to show that I did it myself – on account of my shame. They will not blame you then.” (Hardy, 2016: 258).

Данный пример демонстрирует проявление высокого чувства любви через самопожертвование во благо близкого человека. В глубине души главная героиня не понимала всю трагичность своего поступка, степень серьезности которого была абсолютно равна поступку ее мужа, но т.к. для ее возлюбленного эта ситуация имеет огромное значение, которая в дальнейшем обязательно станет доступна обществу и сыграет с ним злую шутку, Тэсс готова принести себя в жертву ради благополучия любимого человека.

“Tess! Say it is not true! No, it is no true!”

He looked at her imploringly, as if he would willingly have taken a lie from her lips, knowing it to be one, and have made of it, by some sort of sophistry, a valid denial.” (Hardy, 2016: 262).

Приведенный нами пример репрезентирует концепт «Любовь» через отсутствие готовности Энджела принять горькую правду от жены, который настойчиво просит опровергнуть сказанные ему ранее слова о том, что она грешна.

“The firmness of her devotion to him was indeed almost pitiful; quick-tempered as she naturally was, nothing that he could say made her unseemly; she sought not her own; was not provoked; thought no evil of his treatment of her.” (Hardy, 2016: 267).

Любовь в данном случае выражена абсолютной преданностью Тэсс к своему супругу. Она не чувствовала себя униженной, напротив, выражала

таким образом свое уважение к мужу, предоставив ему возможность сказать все, что он думал о сложившейся неприятной ситуации.

“Her loyal confidence in him lay so deep down in her heart, that, awake or asleep, he inspired her with no sort of personal fear. If he had entered with a pistol in his hand he would scarcely have disturbed her trust in his protectiveness.” (Hardy, 2016: 273).

Любовь Тэсс была настолько сильной, что даже при бессознательных ночных передвижениях Энджела по дому ее доверие к мужу не угасало, а уверенность в том, что он никогда не причинит ей вреда, была непоколебимой. Собственно, доверие и является репрезентантом концепта «Любовь» в данном примере.

“It was consoling, under the hovering terror of tomorrow’s separation, to feel that he really recognized her now as his wife Tess, and did not cast her off, ...” (Hardy, 2016: 274).

В данном примере концепт «Любовь» репрезентируется через мимолетное счастье молодой девушки, которая понимала, что, когда ее муж очнется через некоторое время, его признание Тэсс своей любимой женой будет аннулировано.

“He might drown her if he would; it would be better than parting tomorrow to lead severed lives.” (Hardy, 2016: 275).

Отсутствие желание у Тэсс жить на этом свете без ее возлюбленного объясняется тем, что ее любовь к Энджелу безгранична, т.к. без него смысл ее жизни приравнивается к нулю.

“The impulse stirred in her, yet she dared not indulge it, to make a movement that would have precipitated them both into the gulf. How she valued her own life had been proved; but his – she had no right to tamper with it.” (Hardy, 2016: 275).

Боязнь за жизнь своего любимого мужа, которого Тэсс бескрайне любила, заставила ее выбросить из головы мысль о том необдуманном решении, которое на мгновение возникло в сознании девушки. Таким образом, концепт «Любовь» репрезентируется через отсутствие у Тэсс

чувства страха за свою жизнь и через осознание всей горести потенциальной потери ее мужа, необдуманный поступок которой мог прервать жизнь человека, которого она боготворила.

“But how could she dare to awaken him, and let him know what he had been doing, when it would mortify him to discover his folly in respect of her?” (Hardy, 2016: 276).

Питая самые нежные чувства к своему мужу, Тэсс не позволила себе подвергнуть немедленному пробуждению Энджела, который находился в столь странном состоянии, которое могло повлечь за собой осквернение его чести и достоинства перед самим собой.

“The withy-bed had been cut, and they could see over the stumps the spot to which Clare had followed her when he pressed her to be his wife; to the left the enclosure in which she had been fascinated by his harp; and far away behind the cow-stalls the mead which had been the scene of their first embrace. The gold of the summer picture was now gray, the colours mean, the rich soil mud, and the river cold.” (Hardy, 2016: 278).

Данный пример репрезентирует концепт «Любовь» через воспоминания Тэсс счастливых моментов с ее избранником. Для более яркого представления читателем полноты чувств Тэсс, автор сравнивает былые счастливые моменты с Энджелом на мызе с золотым пейзажем, с прекрасной игрой ее супруга на арфе, а последние события жизни девушки с потускневшими красками того чудесного места, где зарождалось прекрасное чувство между этими двумя несчастными людьми.

“The fly moved creepingly up a hill, and Clare watched it go with an unpremeditated hope that Tess would look out of the window for one moment. But that she never thought of doing, would not have ventured to do, lying in a half-dead faint inside. Thus he beheld her recede, and in the anguish of his heart quoted a line from a poet, which peculiar emendations of his own – God’s NOT in his heaven: all’s WRONG with the world!” (Hardy, 2016: 280-281).

Надежда Энджела на то, что Тэсс, в конце концов, обернется из отдаляющегося экипажа, и определяет его любовь к своей жене. Следует предположить, что если бы Энджел увидел из экипажа лицо Тэсс, он бы ни секунды не сомневался в том, что допустил ошибку, отпустив свою любовь, и немедля пустился бы вдогонку за своей супругой.

“Mother! ... I don’t know how to tell you, mother! You said to me, and wrote to me, that I was not to tell him. But I did tell him – I couldn’t help it – and he went away!”

“I know it – I know – I know!” she gasped through her sobs. “But, O my mother, I could not help it! He was so good – and I felt the wickedness of trying to blind him as to what had happened! If – if – it were to be done again – I should do the same. I could not – I dared not – so sin – against him!” (Hardy, 2016: 284).

Данный пример демонстрирует нам наивысшую степень проявления уважения Тэсс к Энджелу. Однако это «уважение», которое является репрезентантом концепта «Любовь» в данном примере, повлекло за собой печальные последствия.

“In the incoherent multitude of his emotions he knelt down at the bedside wet-eyed. “O Tess! If you had only told me sooner, I would have forgiven you!” he mourned.” (Hardy, 2016: 296).

Данный пример иллюстрирует проявление любви Энджела к Тэсс через сожаление не случившихся противоположных данной ситуации событий. Несвоевременное признание его жены разрушило все его надежды и мечты. Он был чрезмерно огорчен тем, что не мог простить Тэсс, но социальные устои и нравы были выше его собственных убеждений, но не выше его чувств к любимой женщине.

“You love me very, very much, Izz?... More than Tess?”

“No, not more than she.... Because nobody could love you more than Tes did!... She would have laid down her life for you. I could do no more.” (Hardy, 2016: 299).

В данном контексте любовь Тэсс выражается через искренне признание ее подруги Изз, которая страстно влюблена в ее мужа, в том, что нет более любящего и преданного человека, чем Тэсс.

“Clare was silent; his heart had risen at these straightforward words from such an unexpected unimpeachable quarter. In his throat was something as if a sob had solidified there. His ears repeated: “She would have laid down her life for you. I could do no more!”

“Forget our idle talk, Izz,” he said, turning the horse’s head suddenly. “I don’t know what I’ve been saying. I will now drive you back to where your lane branches off.” (Hardy, 2016: 299).

“...That evening he was within a feather-weight’s turn of abandoning his road to the nearest station, and driving across that elevated dorsal line of South Wessex which divided him from his Tess’s home....” (Hardy, 2016: 301).

Намерение, представленное автором в данных примерах, которое заставило Энджела свернуть с нацеленного пути и в корне изменить свое решение покинуть на время страну, является тем самым репрезентантом любви молодого мужчины. Тот факт, что его чувства к Тэсс сильны, не вызывает ни малейших сомнений. В глубине души Клэр был невероятно счастлив услышать слова Изз, слова, которые убедили его самого в том, что он по-прежнему любит Тэсс.

“So much for honesty towards you! O – how can I bear it – how can I – how can I!”

“Izz Huett burst into wild tears, and beat her forehead as she saw what she had done.” (Hardy, 2016: 299).

Переживание Изз, перешедшие в истерический плач и страдания по поводу неудавшегося счастливого хоть и не продолжительного будущего с Энджелом, сожаление о тех судьбоносных словах, которые были сказаны Клэру, дают нам понять, что эта девушка испытывала к нему нежные и искренние чувства, которые были им оценены, но, к великому разочарованию Изз, не разделены.

Еще одним доказательством проявления любви Иzz к Энджелу является предложение, в котором Т. Харди подробно описывает тот отрезок времени, который провела Иzz после расставания с Клэром:

“...but no sooner had Izz turned into the lane, and Clare was out of sight, than she flung herself down on the bank in a fit of racking anguish; and it was with a strained unnatural face that she entered her mother’s cottage late that night. Nobody ever was told how Izz spent the dark hours that intervened between Angel Clare’s parting from her and her arrival home.” (Hardy, 2016: 301).

“...But there now followed an unfortunate interval of wet weather, during which she was obliged to fall back upon her sovereigns.

She could not bear to let them go. Angel had put them into her hand, had obtained them bright and new from his bank for her; his touch had consecrated them to souvenirs of himself – they appeared to have had as yet no other history than such as was created by his and her own experiences – and to disperse them was like giving away relics....” (Hardy, 2016: 302-303).

Данный пример, иллюстрирующий осознание Тэсс всю ценность монет, дарованные ей когда-то ее любимым мужем, которые она вынуждена потратить, и нежные воспоминания о нем, которые вызвали эти оставшиеся в кармане Тэсс монеты, является одним из ярких, т.к. такое бережное отношение к вещам, которые имеют прямое отношение к ее возлюбленному, репрезентирует не что иное, как искреннее и нежное чувство.

“She reached Chalk-Newton, and breakfasted at an inn, where several young men were troublesomely complimentary to her good looks. Somehow she felt hopeful, for was it not possible that her husband also might say these same things to her even yet? She was bound to take care of herself on the chance of it, and keep off these casual lovers. To this end Tess resolved to run no further risks from her appearance. As soon as she got out of the village she entered a thicket and took from her basket one of the oldest field-gowns, which she had never put on even at the dairy – never since she had worked among the stubble at Marlott. She also, by a felicitous thought, took a handkerchief from her bundle and tied it round her face

under her bonnet, covering her chin and half her cheeks and temples, as if she were suffering from toothache. Then with her little scissors, by the aid of a pocket looking-glass, she mercilessly nipped her eyebrows off, and thus insured against aggressive admiration, she went on her uneven way.” (Hardy, 2016: 309).

Концепт «Любовь» репрезентируется в данном абзаце при помощи принесения в жертву своей внешности, женственности ради своего мужа, которого Тэсс так страстно ждет. По ее мнению, ее природная красота, которую так ценил и боготворил Клэр, должна принадлежать только ему.

“That night she wrote to inform her parents of her new address, in case a letter should arrive at Marlott from her husband. But she did not tell them of the sorrienss of her situation: it might have brought reproach upon him.” (Hardy, 2016: 314).

Данное письмо, адресованное матери Тэсс, в котором она не упомянула о том состоянии, в котором она находилась после расставания с мужем, в характеризует ее как преданную, любящую молодую женщину, которая ни в коем случае не хотела, чтобы честь и достоинство ее дорогого мужа было хоть как-то задето. Таким образом, в данном примере репрезентантом концепта «Любовь» является утаивание Тэсс правды во благо любимого человека.

“...She had a conviction that sooner or later the magnanimity which she persisted in reckoning as a chief ingredient of Clare’s character would lead him to rejoin her.” (Hardy, 2016: 317).

Надежды, которыми Тэсс постоянно тешила себя, сопровождали ее весь период отсутствия рядом с ней Клэра. Надежда – единственная вещь, на которую ей приходилось полагаться. И только крепкая любовь помогала Тэсс верить, ждать и надеяться на скорейшее воссоединение с ее драгоценным мужем.

“Well, but – surely you care for’n! Do you?”

Instead of answering, Tess, with tears in her eyes, impulsively faced in the direction in which she imagined South America to lie, and, putting up her lips, blew out a passionate kiss upon the snowy wind.” (Hardy, 2016: 319).

Те сильные эмоции, которыми была охвачена Тэсс по отношению к Энджелу, который находился так далеко от нее, проявлялись в поведении Тэсс всегда, когда она вспоминала мужа, а этот нежный воздушный поцелуй, который Тэсс послала Энджелу в Южную Америку, является прямым тому доказательством.

“...It was what he wanted Izz to do. He wanted her to go off to Brazil with him.”

Tess’s face faded as white as the scene without, and its curves straightened.” (Hardy, 2016: 324).

Реакция Тэсс на сказанные слова Изз была вызвана неожиданностью такого опрометчивого поступка Энджела, который не так давно клялся в своей любви к ней. Искренне любящая Тэсс была напугана известием, которое принесла Мэриэн, а мысли, которые сразу заполнили сознание Тэсс, больше не отпускали ее ни на минуту.

Прямым доказательством искренности чувств Тэсс к Клэру являются следующие слова Изз:

“...Her mind can no more be heaved from that one place where it do bide than a stooed wagon from the hole he’s in....,neither court-paying, nor preaching, nor the seven thunders themselves, can wean a woman when ‘twould be better for her that she should be weaned.” (Hardy, 2016: 360).

Такие изменения в поведении и отношении к окружаемому Тэсс миру дают нам понять, что ее тоска по мужу настолько крепка, что все происходящие вокруг нее события совершенно перестали ее интересовать, не смотря на то, что и раньше кроме ее мужа ничего не интересовало Тэсс.

“...I must cry to you in my trouble – I have no one else!... I think I must die if you do not come soon, or tell me to come to you... please, please, not to be just – only a little kind to me... If you would come, I could die in your arms! I would be well content to do that if so be you had forgiven me!... if you will send me one little line, and say, “I am coming soon,” I will bide on, Angel – O, so cheerfully!... think how it do hurt my heart not to see you ever – ever!... I long for only one thing

in heaven or earth or under the earth, to meet you, my own dear! Come to me – come to me, and save me from what threatens me!” (Hardy, 2016: 406-407).

В письме, написанном Тэсс Энджелу, концепт «Любовь» репрезентируется при помощи ее страстных признаний мужу, которые сопровождаются многократными стилистическими повторами и восклицаниями, а также мольбы о скорейшем его приезде к ней, который спас бы ее от беды, надвигающейся над ней.

“Do you think Tess would wish me to try and find her? If not, of course –“

“I don’t think she would”

“...He was turning away; and then he thought of Tess’s tender letter.

“I’m sure she would!” he retorted passionately. “I know her better than you do.” (Hardy, 2016: 411-412).

Из разговора Энджела с Джоан нам становится понятно, что его намерения найти жену и вернуть былое счастье были довольно серьезными. На отрицание Джоан о том, что Тэсс хотела бы вернуться к Клэру, он с жаром опроверг ее слова, которые задели его за живое. Он не мог позволить рухнуть надежде, которая теплилась у него в душе, что Тэсс по-прежнему ждет его, нуждается в нем. То сильное чувство, которым были одержимы Тэсс и Энджел, придавало ему уверенность в необходимости поисков его любимой жены.

“...and he sauntered along, looking at the chamber-windows and their lights going out one by one, and wondered which of them might be hers.

Conjecture was useless, and just after twelve o’clock he entered and went to bed. Before putting out his light he re-read Tess’s impassioned letter. Sleep, however, he could not – so near her, yet so far from her – and he continually lifted the window-blind and regarded the backs of the opposite houses, and wondered behind which of the sashes she reposed at that moment.” (Hardy, 2016: 413-414).

В этом примере Энджел осознает, что потеряв однажды, очень трудно вернуть то былое, что чрезмерно важно и дорого сейчас. Страстное желание найти свою любимую жену объясняется сильным чувством Клэра к Тэсс,

которое заставляет его сделать все возможное для воссоединения с ней. Теперь социальные нравы и мнения других людей для него не имеют никакого значения.

“Tess!” said he huskily, “can you forgive me for going away? Can’t you – come to me? How do you get to be – like this?”

“...I did not think rightly of you – I did not see you as you were!” he continued to plead. “I have learnt to since, dearest Tessy mine!”

“But don’t you love me, my dear wife, because I have been so pulled down by illness? You are not so fickle – I am come on purpose for you – my mother and father will welcome you now!”

“...He was won me back to him.”

Clare looked at her keenly, then, gathering her meaning, flagged like one plague-stricken, and his glance sank; it fell on her hands, which, once rosy, were now white and more delicate.” (Hardy, 2016: 416-417).

Мольбы Тэсс о возвращении Клэра к ней сменились мольбами Клэра о том же, неприступность Клэра сменилась неприступностью Тэсс. Чувство страха потери родного и любимого человека, который находится в шаге от него, охватило Энджела, чувство, которое совсем недавно испытывала Тэсс. А чувство, которое они оба ни на минуту не переставали испытывать, было чувство любви, которое автор демонстрирует следующим образом:

“They stood fixed, their baffled hearts looking out of their eyes with a joylessness pitiful to see. Both seemed to implore something to shelter them from reality.” (Hardy, 2016: 417).

“Over the seat of the chair Tess’s face was bowed, her posture being a kneeling one in front of it; her hands were clasped over her head,..., and her stockingless feet, from which the slippers had fallen, protruded upon the carpet. It was from her lips that came the murmur of unspeakable despair. (Hardy, 2016: 419).

“In writhing, with her head on the chair, she turned her face towards the door, and Mrs Brooks could see the pain upon it, and that her lips were bleeding from

the clench of her teeth upon them, and that the long lashes of her closed eyes stuck in wet tags to her cheeks.” (Hardy, 2016: 419).

Данные предложения детально описывают состояние Тэсс после неожиданной встречи с мужем, которого она безумно любит, хоть и старается вести себя хладнокровно в процессе общения с ним. В данном предложении концепт «Любовь» репрезентируется при помощи страданий Тэсс о том, что то, чего она так долго ждала, снова стало недостижимым. Данный факт может быть сопровождается следующим примером:

“...and you taunted me, and said what a simpleton I was to expect him!... And at last I believed you and gave away!... And then he came back! Now he is gone. Gone a second time, and I have lost him now for ever... O, yes, I have lost him now – again because of – you!” (Hardy, 2016: 419).

Одним из самых ярких примеров проявления чувств в анализируемом нами произведении является совершение преступления ради любимого человека, которое впоследствии сыграет злую шутку с тем, кто его совершил. Однако Тэсс не боялась наказания за содеянное, наоборот, она была счастлива, что теперь ей никто не сможет помешать снова обрести счастье с человеком, которого она так сильно любила.

“I have done it – I don’t know how,... Still, I owed it to you, and to myself, Angel.... I never loved him at all, Angel, as I loved you. You know it, don’t you? You believe it? You didn’t come back to me, and I was obliged to go back to him. Why did you go away – why did you – when I loved you so?... But I don’t blame you; only, Angel, will you forgive me my sin against you, now I have killed him?... I could not bear the loss of you any longer – you don’t know how entirely I was unable to bear your not loving me! Say you do now, dear, dear husband; say you do, now I have killed him!

...Unable to realize the gravity of her conduct, she seemed at last content; and he looked at her as she lay upon his shoulder, weeping with happiness...” (Hardy, 2016: 423).

Поступок, совершенный женой Энджела ради него, ради их счастья, тронул его до глубины души. Концепт «Любовь» выражается мыслями Клэра о том, насколько сильными должны быть чувства человека, чтобы пожертвовать своей жизнью ради другого человека, ведь именно такая участь ждала Тэсс за это деяние:

“By degrees he was inclined to believe that she had faintly attempted, at least, what she said she had done; and his horror at her impulse was mixed with amazement at the strength of her affection for himself, and at the strangeness of its quality, which had apparently extinguished her moral sense altogether.” (Hardy, 2016: 424).

“Well, we might walk a few miles further, and when it is evening find lodgings somewhere or other – in a lonely cottage, perhaps. Can you walk well, Tessy?”

“O yes! I could walk for ever and ever with your arm round me!... I feel strong enough to walk any distance...” (Hardy, 2016: 425).

В данном примере репрезентантом анализируемого нами концепта является преодоление физических трудностей, ведь рядом с ней ее Энджел, которого она ждала огромное количество времени, за которое она перенесла намного больше несчастий, а идти рядом со своим возлюбленным она готова сколько угодно.

“I think we may as well steer in a general way towards the interior of the country, where we can hide for time, and are less likely to be looked for than anywhere near the coast.... Later on, when they have forgotten us, we can make for some port.”

She made no reply to this beyond that of grasping him more tightly, and straight inland they went.” (Hardy, 2016: 426).

В приведенном выше примере концепт «Любовь» выражается с помощью абсолютного доверия Тэсс к мужу. Она знает, что пока она наслаждается счастливыми моментами с ее любимым Энджелом, ее повсюду

ищут стражники. Ей совсем не важно данное обстоятельство, ее муж рядом, и это все, что было нужно Тэсс для счастья.

“Ah, happy house – goodbye!... My life can only be a question of a few weeks. Why should we not have stayed there?” (Hardy, 2016: 431).

Дом, в котором Тэсс и ее муж остановились на несколько дней, был тем пристанищем, в котором она наконец почувствовала, что такое истинное счастье, за которое она боролась всеми силами. Покинуть этот дом, который подарила им судьба, означало потерять все раз и навсегда.

“She is so good and simple and pure. O, Angel – I wish you would marry her if you lose me, as you will do shortly. O, if you would!”

“...That’s nothing, dearest. People marry sister-laws continually about Marlott; And Liza-Lu is so gentle and sweet, and she is growing so beautiful. O, I could share you with her willingly when we are spirits! If you would train her and teach her, Angel, and bring her up for your own self!... She had all the best of me without the bed of me; and if she were to become yours it would almost seem as if death not divided us... Well, I have said it. I won’t mention it again.” (Hardy, 2016: 434).

Тэсс, понимая, что ее расставание с любимым мужем приближается, считает необходимым позаботиться о будущем своей сестры и мужа. Тэсс боится, что Лайзу Лу может постигнуть такая же участь, что и ее саму. Будучи уверенной в порядочности и преданности Энджела, она просит его позаботиться о сестре.

“Let her finish her sleep!” he implored in a whisper of the men as they gathered round.

...He went to the stone and bent over her, holding one poor little hand; her breathing now was quick and small, like that of a lesser creature than a woman.” (Hardy, 2016: 435).

Увидев огромную колонну военных, окружившую местность, где находились влюбленные, Энджел осознал всю серьезность приближающегося судьбоносного момента. Оставалось ничтожно мало

времени, чтобы побыть рядом со своей возлюбленной. Просьба Энджела об отсрочке немедленного пробуждения Тэсс, которая позволила хоть немного продлить ее жизнь, является выражением любви Клэра к его жене.

“It is as it should be,” she murmured. “Angel, I am almost glad – yes, glad! This happiness could not have lasted. It was too much. I have had enough; and now I shall not live for you to despise me!” (Hardy, 2016: 436).

Фраза, являющаяся заключительной в романе Т. Харди, наполнена огромным смыслом. Времени, которое было проведено с Клэром, было достаточно для Тэсс, чтобы почувствовать себя абсолютно счастливым человеком, ощущая любовь самого дорого и близкого человека. Эта фраза еще раз доказала, что ее чувства к мужу были самыми искренними и нежными.

Роман «Тэсс из рода Д’Эрбервиллей» является ярким примером того, что любовь – это очень сложная вещь, которая не всегда доставляет людям радость. Иногда человеку необходимо преодолеть множество трудностей, чтобы быть счастливым с тем, ради кого он проходит через все жизненные преграды. Главные герои романа, в свою очередь, тоже почувствовали, что любовь дается очень тяжело.

Выводы по ГЛАВЕ II

Тема любви является одной из ключевых в творчестве Т. Харди и так или иначе реализуется в большинстве его произведений.

На основе анализа его романа «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» нам удалось рассмотреть некоторое количество репрезентаций концепта «Любовь».

Проанализировав внутреннюю форму данного явления с точки зрения этимологии, мы смогли прийти к выводу, что концепт «Любовь» основывается на чувствовании, которое имеет крайне разнообразное содержание и силу.

Детальное изучение произведения Т. Харди позволило нам установить следующие компоненты анализируемого нами концепта:

- 1) любовь – это самопожертвование во имя близкого человека;
- 2) любовь – это абсолютное доверие одного человека к другому;
- 3) любовь – это преодоление физических и моральных трудностей на пути к счастью;
- 4) любовь – это постоянная борьба со злом;
- 5) любовь – это готовность пойти на уступки, не взирая на собственные принципы, социальные устои;
- 6) любовь – это тоска по другому человеку;
- 7) любовь – это воспоминания радостных и счастливых моментов, связанных с любимым человеком.

Также следует отметить, что на протяжении всего романа концепт «Любовь» выражается порой абсолютно неожиданными репрезентантами, которые расширяют рамки различных общепринятых определений данного явления. Благодаря способности автора данного произведения наилучшим образом передавать чувства и эмоции людей, нам удалось рассмотреть концепт «Любовь» со всех его сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проделанного нами анализа теоретических предпосылок термина «концепт», можно сделать вывод, что концепт играет довольно важную роль в лингвистике. Исследуемому нами понятию посвящено достаточное количество научных трудов различных ученых и исследователей, которые посвятили свою жизнь развитию когнитивной лингвистики как науки.

На основе результатов исследований некоторых ученых нам удалось установить, что концепт, являясь основным понятием когнитивной лингвистики, имеет тесную связь с другими научными отраслями, такими как философия, этнология, психология, история, и данная связь обуславливается тем, что перечисленные выше области гуманитарного знания с каждым годом увеличивали свой интерес к более детальному изучению данного понятия, т.к. термин «концепт» – явление многомерное, соответственно, включает в себя те составляющие, которые имеют отношение не только к своей научной «картине мира».

Также отметим, что многоплановость концепта допускает определенную классификацию, подразумевающая изучение таких критериев концепта, как способ его репрезентации в языке, вид мыслительного обобщения и содержание и степень абстракции передаваемой информации, а также структуризацию, выделяющую в своем составе такие слои, как актуальный, этимологический и дополнительный, что, свою очередь, позволяет более подробно изучить данное лингвистическое явление.

В настоящей работе было проанализировано сопоставление терминов «концепт» и «понятие». Данный анализ позволил нам сделать вывод о том, что более объемной категорией является концепт, т.к., во-первых, данный термин затрагивает, как нами уже было упомянуто, немалое количество научных областей, в отличие от термина «понятия», а, во-вторых, не смотря

на то, что оба термина являются представителями когнитивной природы, а также следствием познания той или иной действительности посредством сознания человека, их отличие заключается в том, что концепт – явление более «социальное», т.е. подразумевает личный опыт человека и опыт его социокультурной группы, а понятие функционирует вне зависимости от общения.

Практическая ценность нашего исследования заключается в подробном рассмотрении концепта «Любовь» на основе некоторых словарей и романа Т. Харди «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей».

Нами было выявлено, что практически во всех рассмотренных нами словарях содержится информация, что любовь – это глубокое эмоциональное, сердечное чувство, которое подразумевает привязанность и влечение к тому или иному объекту, а произведение Т. Харди позволило нам в этом убедиться.

У Т. Харди можно проследить довольно интересный способ выражения и описания слова «любовь». Выбранное нами произведение предоставило возможность окунуться в тот мир, где любовь не имеет границ.

Нами были определены следующие основные составляющие концепта «Любовь» в романе: страх, преодоление трудностей, самопожертвование, воспоминание, надежда, мольба и т.д.

Таким образом, в ходе анализа теоретических и практических составляющих концепта нам удалось изучить основные черты термина «концепт» как базового понятия когнитивной лингвистики и выявить особенности репрезентаций концепта «Любовь» в романе Т. Харди.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Попытка системного описания. – М., 1995. – № 1. – С. 98-100.
2. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – 176 с.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка // Теория концепта и концептуальное пространство. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 1996. – С. 72-79.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2001. – 134 с.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 780 с.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. – М, 1994. – 206 с.
7. Ворожбитова А.А. Официальный советский язык периода Великой отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика / под ред. В.Б. Кашкина – Воронеж, 2000. – С. 21-42.
8. Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация / под ред. В. И. Герасимова – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
9. Залевская А.А. Психологический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 86-91.
10. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.
11. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

12. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 36-42.
13. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. – М., 1993. – №1. – С. 3-9.
14. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Мысль, 1988. – 448 с.
15. Максименко Е.С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем (на материале английской и американской юридической терминологии): автореф. дисс. канд. филол. наук. – Саратов: Научная книга, 2004. – 36 с.
16. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 281-308.
17. Перелыгина Е.М. Катартическая функция текста: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Тверь, 1998. – 32 с.
18. Плешакова А.В. Исследование фреймов «происшествие на материале русских и английских газетных текстов жанра «Информационное сообщение»: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Саратов, 1988. – 24 с.
19. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Монография. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – 189 с.
20. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Наука, 2009. – 176 с.
21. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж, 2002. – 280 с.
22. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Смена культурных парадигм, ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Монография. – Харьков, 1993. – С.13-36.
23. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво- культурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.

24. Токарев Г.В. К вопросу о культурном слое концепта. // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград: «Колледж», 2001. – С. 16-21.

25. Филлмор Ч.Д. Фреймы и семантика их понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 52-92.

26. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемиология? // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 74-117.

27. Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1983. – 190 с.

28. Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Компьютерная лингвистика. – М., 1989. – С. 32-47.

29. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Прогресс, 1977. – 440 с.

30. Croft W. The Role of Domains // Cognitive Linguistics. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1993. – P. 335-370.

31. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

32. Newel A. Unified Theories of Cognition. – Cambridge, 1990. – 435 p.

33. Ungerer Fr. An introduction to cognitive linguistics. L. and N.Y.: Longman, 1996. – 186 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Эксмо; Форум, 2007. – 754 с.
2. Ефремова Т.Ф. Толково-словообразовательный словарь. – М.: Рус.яз., 2000. – 930 с.
3. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 458 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа. «Языки русской культуры», 1997. – 284 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 385 с.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 590 с.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Longman, 1995. – 380 p.
9. Online etymology dictionary – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=love (дата обращения: 28.04.2017).
10. Random House Webster's Unabridged English Dictionary – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovar-vocab.com/english/websters-unabridged-vocab/love-7985595.html> (дата обращения: 3.05.2017).
11. Roget's Super Thesaurus. Writer's Digest Books. – 2003. – 365 p.
12. Webster's English dictionary – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovar-vocab.com/english/websters-vocab/love-8342969.html> (дата обращения: 28.04.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Hardy T. Tess of the d'Urbervilles. М., 2016. – 440 p.